

О половом вопросе: Мысли Л. Н. Толстого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
О-11

О-11 О половом вопросе: Мысли Л. Н. Толстого / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 82 с.

ISBN 978-5-519-77177-1

Содержание: От составителя / В. Чертков. Послесловие к "Крейцеровой сонате"; Об отношении между полами: По поводу брош. "Диана. Психологический опыт о половых отношениях женатых мужчин и женщин". Нью-Йорк]; Отрывки из дневников и частных писем

ISBN 978-5-519-77177-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ составителя.



Собраніе отрывковъ изъ писаній мыслителя, подобное настоящему, хотя и относящееся къ одному опредѣленному вопросу; но почерпнутое изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и выражающее самыя различные настроенія и періоды душевнаго развитія автора,—не можетъ, само собою разумѣется, отличаться той цѣльностью, и пропорціональностью и послѣдовательностью изложенія, которыя мы привыкли ожидать отъ тщательно обработаннаго литературнаго произведенія. Для читателя поверхностнаго или враждебно настроеннаго, незнакомаго съ внутренней основой жизнепониманія автора или никогда серьезно не задумывавшагося надъ разбираемымъ вопросомъ, — такія компиляціи неизбежно представляютъ кажущіяся противорѣчія и несостоятельности; — въ особенности, если авторъ дѣйствительно мыслитель, т.-е. человѣкъ съ подвигающимся впередъ, а не стоящимъ на мѣстѣ жизнепониманіемъ. Но существуетъ другой разрядъ читателей, — и ихъ именно мы имѣемъ въ виду, составляя эти сборники, — которые серьезно и искренно подходятъ къ разсматриваемому вопросу, не съ предвзятымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало отстоять свои прежніе личные взгляды на него, а съ единственнымъ желаніемъ безпристрастно въ немъ разобраться и, если истина того потребуетъ, — видоизмѣнить свое ранѣе установившееся отношеніе къ нему. Такіе читатели, вникая въ самую сущность излагаемыхъ мыслей, не будутъ смущаться словесными неточностями или часто внѣшними противорѣчіями выраженій, неизбежными по самому характеру подобныхъ компиляцій, составленныхъ изъ отрывочныхъ и раз-

розненнѣхъ мыслей, большею частью вовсе не предназначавшихся для печати. И только такіе читатели, старающіеся понять мысль автора не въ худшемъ, а въ лучшемъ, наиболѣе для нея выгодномъ свѣтѣ, — могутъ получить отъ чтенія истинное удовлетвореніе и дѣйствительную пользу.

Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ сборникѣ встрѣчаются отрывки, въ которыхъ бракъ положительно рекомендуется, рядомъ съ другими, въ которыхъ выражается совершенно отрицательное къ нему отношеніе. И тѣмъ не менѣе, въ этихъ двухъ разныхъ взглядахъ на бракъ нѣтъ никакого противорѣчія, если только приять во вниманіе представленіе автора о различныхъ степеняхъ развитія человѣческаго сознанія. Уже въ «Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ» достаточно ясно для вдумчиваго читателя указывается на соотношеніе этихъ двухъ взглядовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія этой статьи, на вопросъ о томъ, какъ онъ согласуетъ эти два утвержденія о бракѣ, Левъ Николаевичъ при насъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: «И то, и другое справедливо: все зависитъ отъ той ступени, на которой находится человѣкъ. Если онъ охваченъ непреодолимой потребностью супружеской жизни, то, вмѣсто того, чтобы жить распутно или предаваться неестественнымъ порокамъ, ему, разумѣется, лучше вступить въ бракъ для совмѣстнаго съ своимъ супругомъ исполненія своего семейнаго и общественнаго назначенія. Если же онъ въ состояніи весь отдаться служенію Богу и людямъ, забывая себя въ этомъ служеніи, то для такого человѣка бракъ несомнѣнно былъ бы паденіемъ и помѣхою, точно такъ же, какъ связаться веревками попарно было бы помѣхою для полевыхъ работниковъ, дотолѣ свободно располагавшихъ всѣми своими членами».

Такъ же просто и легко разрѣшается, какъ намъ кажется, и всякія другія сомнѣнія, могущія возникнуть при чтеніи этой книги, если только читатель будетъ дѣйствительно желать ихъ разрѣшенія.

Хотя мы выпускаемъ этотъ сборникъ подъ общимъ заглавіемъ: «О половомъ вопросѣ»; мы, тѣмъ не менѣе, включили въ него нѣсколько отрывковъ, — какъ, напримѣръ, о мужскомъ и женскомъ трудѣ, о назначеніи женщины и т. п., — строго говоря, преступающіе предѣлы такого опре-

дѣленія. Поступили мы такъ потому, что мысли эти, все же имѣя нѣкоторую косвенную связь съ общимъ содержаніемъ сборника, намъ казались болѣе умѣстными здѣсь, нежели въ другомъ мѣстѣ.

Считаемъ необходимымъ повторить оговорку, уже сдѣланную нами при предыдущихъ подобныхъ сборникахъ; — о томъ, что отвѣтственность за порядокъ взаимнаго расположенія приводимыхъ здѣсь отрывковъ должна лежать на насъ однихъ, такъ какъ авторъ, высказывая эти мысли по разнымъ поводамъ, вовсе не имѣлъ въ виду ихъ группировки когда-либо въ одномъ сборникѣ, хотя и предоставилъ намъ право распорядиться ими по нашему усмотрѣнію. Мы же, съ своей стороны, приступаемъ къ каждому новому выпуску такихъ сборниковъ его мыслей съ тѣмъ большею радостью, что знаемъ изъ доходящихъ до насъ со всѣхъ сторонъ сочувственныхъ отзывовъ, до какой степени эти изданія отвѣчаютъ на дѣйствительный душевный спросъ со стороны многихъ и многихъ читателей.

В. Чертковъ.

«Никакой родъ преступлений людскихъ противъ нравственнаго закона не скрывается съ такою тщательностью людьми другъ передъ другомъ, какъ преступленія, вызываемыя половой похотью; и нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, которое было бы такъ обще вѣсьмъ людямъ, захватывая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ видахъ; нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, на которое смотрѣли бы такъ несогласно люди, — одни считая извѣстный поступокъ страшнымъ грѣхомъ, другіе — тотъ же поступокъ самымъ обычнымъ удобствомъ или удовольствіемъ; нѣтъ преступленія, насчетъ котораго было бы высказываемо столько фарисейства; нѣтъ преступленія, отношеніе къ которому показывало бы такъ вѣрно нравственный уровень человѣка; и нѣтъ преступленія болѣе губительнаго для отдѣльныхъ людей и для движенія впередъ всего человѣчества».

Л. Толстой:

Послѣсловіе къ „Крейцеровой Сонатѣ“.

Я получилъ и получаю много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что я думаю о предметѣ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ «Крейцерова Соната». Попытаюсь это сдѣлать, т.-е. въ короткихъ словахъ выразить, насколько это возможно, сущность того, что я хотѣлъ сказать въ этомъ разсказѣ, и тѣхъ выводовъ, которые, по моему мнѣнію, можно сдѣлать изъ него.

Хотѣлъ я сказать, во-первыхъ, то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложной наукой убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе есть дѣло, необходимое для здоровья, и что такъ какъ женитьба не всегда есть дѣло возможное, то и половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемымъ. Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей; правительства, единственный смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ, учреждаютъ развратъ, т.-е. регулируютъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей мужчинъ; а холостые люди съ совершенно спокойной совѣстью предаются разврату.

И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было губить тѣла и души другихъ людей, такъ же, какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ.

Выводъ же, который, мнѣ кажется, естественно слѣдуетъ изъ этого, тотъ, что поддаваться этому заблужденію и обману не нужно. А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первыхъ, не вѣрить безнравственнымъ ученіямъ, какими бы они ни поддерживались мнимыми науками; а во-вторыхъ, понимать, что вступленіе въ такое половое общеніе, при которомъ люди или освобождаютъ себя отъ возможныхъ послѣдствій его — дѣтей, или сваливаютъ всю тяжесть этихъ послѣдствій на женщину, или предупреждаютъ возможность рожденія дѣтей — что такое половое общеніе есть преступленіе самаго простаго требованія нравственности, есть подлость, и что потому холостымъ людямъ, не хотѣющимъ жить подло, надо не дѣлать этого.

Для того же, чтобы они могли воздержаться, они должны кромѣ того, что вести естественный образъ жизни: не пить, не объѣдаться, не ѣсть мяса и не избѣгать труда (не гимнастики, а утомляющаго, не игрушечнаго труда), — не допускать въ мысляхъ своихъ возможности общенія съ чужими женщинами, такъ же, какъ всякій человѣкъ не допускаетъ такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными, женами друзей.

Доказательствъ же того, что воздержаніе возможно и менѣе опасно и вредно для здоровья, чѣмъ невоздержаніе, всякій мужчина найдетъ вокругъ себя сотни.

Это первое.

Второе то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская невѣрность слѣдалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ, особенно благодаря солдатству) самымъ обычнымъ явленіемъ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать.

Для того же, чтобы не дѣлать этого, надо, чтобы измѣнился взглядъ на плотскую любовь, чтобы мужчины и жен-

щины воспитывались въ семьяхъ и общественнымъ мнѣніемъ такъ, чтобы они и до, и послѣ женитьбы не смотрѣли на влюбленіе и связанную съ нимъ плотскую любовь, какъ на поэтическое и возвышенное состояніе, какъ на это смотрятъ теперь, а какъ на унижительное для человѣка животное состояніе, и чтобы нарушеніе общаія вѣрности, даваемого въ бракѣ, казнилось бы общественнымъ мнѣніемъ, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ казнятся имъ нарушенія денежныхъ обязательствъ и торговые обманы, а не воспѣвались бы, какъ это дѣлается теперь, въ романахъ, стихахъ, пѣсняхъ, операхъ и т. д.

Это второе.

Третье то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и вмѣсто того, чтобы быть пѣлю и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхою для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній, и что потому и внѣ брака, и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣтороженія, или стало входить въ обычай, привычку то, чего не было прежде и теперь еще нѣтъ въ патріархальныхъ крестьянскихъ семьяхъ: продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормленіи. И полагаю я, что это нехорошо.

Нехорошо употреблять средства противъ рожденія дѣтей, во-первыхъ, потому, что это освобождаетъ людей отъ заботъ и трудовъ о дѣтяхъ, служащихъ искупленіемъ плотской любви, а во-вторыхъ, потому, что это нѣчто весьма близкое къ самому противному человѣческой совѣсти дѣйствию — убійству. И нехорошо воздержаніе во время беременности и кормленія потому, что это губитъ тѣлесныя, а главное — душевныя силы женщины. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать. А для того, чтобы этого не дѣлать, надо понять, что воздержаніе, составляющее необходимое условіе человѣческаго достоинства при безбрачномъ состояніи, еще болѣе обязательно въ бракѣ.

Это третье.

Четвертое то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или

несчастной случайностью, или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количество, эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. И что, вслѣдствіе этого, дѣти людей воспитываются какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ (въ чемъ поддерживаются родители ложной наукой, называемой медициной), чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми (если въ низшихъ классахъ этого не дѣлаютъ, то только по необходимости, а взглядъ одинъ и тотъ же). И въ извѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ и повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и болѣзни дѣлаются обычными условіями выращивания дѣтей обоего пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого — тотъ, что надо перестать воспитывать дѣтей людей, какъ дѣтей животныхъ, а для воспитанія людскихъ дѣтей поставить себѣ другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла.

Это четвертое.

Пятое то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюбленіе между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющее въ основѣ все-таки плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремленій людей, свидѣтельствомъ чего служить все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины — на выглады-¹раніе, пріискиваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака; а женщины и

дѣвушки — на заманиваніе и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ.

И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на непроеводительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ большая часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого — праздность мужчинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ выставленіемъ по модамъ, заимствованнымъ отъ завѣдомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность частей тѣла.

И я полагаю, что это нехорошо.

Нехорошо это потому, что достиженіе цѣли соединенія въ бракъ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно ни было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, такъ же, какъ недостойна человѣка, представляющаяся многимъ людямъ высшимъ благомъ, цѣль приобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нѣчто особенно возвышенное, а надо понять, что цѣль, достойная человѣка — служеніе ли человечеству, отечеству, наукѣ, искусству ли (не говоря уже о служеніи Богу), — какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойной человѣка, не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракъ или внѣ его, а что, напротивъ, влюбленіе и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его.

Это пятое.

Вотъ то существенное, что я хотѣлъ сказать и думалъ, что сказалъ въ своемъ разсказѣ. И мнѣ казалось, что можно разсуждать о томъ, какъ исправить то зло, на которое указывали эти положенія, но что не согласиться съ ними никакъ нельзя. Мнѣ казалось, что не согласиться съ этими положеніями нельзя, во-первыхъ, потому, что положенія эти вполне согласны съ прогрессомъ человечества, всегда шедшимъ отъ распушенности къ большей и большей цѣломудренности, и съ нравственнымъ сознаніемъ общества, съ нашей совѣстью, всегда осуждающей распушенность и цѣпящей цѣломудріе; и, во-вторыхъ, потому, что эти положенія суть

только неизбежные выводы изъ учения евангелія, которое мы или исповѣдуемъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя и безсознательно, признаемъ основой нашихъ понятій о нравственности.

Но вышло не такъ.

Никто, правда, прямо не оспариваетъ положеній о томъ, что развратничать не надо до брака, не надо и послѣ брака, что не надо искусственно уничтожать дѣторожденія, что не надо изъ дѣтей дѣлать забавы, и не надо ставить любовное соединеніе выше всего остального, — однимъ словомъ, никто не споритъ о томъ, что цѣломудріе лучше распущенности. Но говорятъ: «Если безбрачіе лучше брака, то очевидно, что люди должны дѣлать то, что лучше. Если же люди сдѣлаютъ это, то родъ человѣческій прекратится, и потому не можетъ быть идеаломъ рода человѣческаго — уничтоженіе его». Но, не говоря уже о томъ, что уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же людей неизбежный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца, — въ возраженіи этомъ есть большое, распространенное и старое недоразумѣніе. Говорятъ: «Если люди достигнутъ идеала полнаго цѣломудрія, то они уничтожатся, и потому идеаль этотъ не вѣренъ». Но тѣ, которые говорятъ такъ, умышленно или неумышленно смѣшиваютъ двѣ разнородныя вещи — правило-предписаніе и идеаль.

Цѣломудріе не есть правило или предписаніе, а идеаль, или скорѣе — одно изъ условій его. А идеаль только тогда идеаль, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности, и когда поэтому возможность приближенія къ нему — безконечна. Если бы идеаль не только могъ быть достигнутъ, но мы могли бы представить себѣ его осуществленіе, онъ пересталъ бы быть идеаломъ. Таковъ идеаль Христа, — установленіе Царства Бога на землѣ; идеаль, предсказанный еще пророками о томъ, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, перекуютъ мечи на орала, копыя на серпы, левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда всѣ существа будутъ соединены любовью. Весь смыслъ человѣческой жизни заключается въ движеніи по направленію къ этому идеалу, и потому стрем-